

Владимир Андреевич Назаренко

07.07.1934 – 19.10.2006

Сфера научных интересов В. А. Назаренко – физика атомного ядра и элементарных частиц, в частности изучение свойств симметрии взаимодействий элементарных частиц и нейтронная физика. Один из ведущих специалистов в этих областях, он одинаково хорошо владел современными на то время методами эксперимента и теоретического анализа результатов. В 1966 году Владимир Андреевич защитил кандидатскую диссертацию, посвященную вопросам ядерного бета-распада.

В 1974 году за цикл работ по обнаружению и исследованию несохранения четности в ядерных электромагнитных переходах совместно с В. М. Лобашевым, Ю. Г. Абовым и П. А. Крупчицким Владимир Андреевич Назаренко был удостоен Ленинской премии. В последующие годы он был активным участником исследований взаимодействий и свойств ультрахолодных нейтронов, экспериментов по поиску ЭДМ нейтрона, по обнаружению новых P -нечетных эффектов во взаимодействии нейтронов с ядрами. В частности, им были предложены и выполнены эксперименты по обнаружению циркулярной поляризации гамма-квантов в интегральном гамма-спектре (n, γ)-реакции на ядрах, вызвавшие большой интерес ввиду неожиданности результатов, а также эксперименты по измерению P -четной циркулярной поляризации гамма-квантов в реакции радиационного захвата поляризованных нейтронов протонами, позволившие получить новые данные о структуре дейтрона.

В. А. Назаренко возглавлял экспериментальную группу на втором (заключительном) этапе поиска циркулярной поляризации гамма-квантов в реакции $np \rightarrow d\gamma$, в котором была достигнута рекордная точность в измерениях малой циркулярной поляризации ($\Delta P_\gamma = 1,8 \times 10^{-7}$).

Совместно с В. М. Лобашевым им было обнаружено нарушение пространственной четности в ядерных переходах и во взаимодействии нейтрона с ядром. В 1984 году В. А. Назаренко защитил докторскую диссертацию по данной теме.

В мае 1997 года Владимир Андреевич Назаренко был избран членом-корреспондентом РАН, в 2006 году стал академиком РАН по специальности «ядерная физика».

Владимир Андреевич вел большую научно-организационную работу. С 1994 года он возглавлял один из крупнейших академических институтов – Петербургский институт ядерной физики им. Б. П. Константинова РАН, являлся членом бюро ОФН, президиума СПбНЦ, членом научных советов Минатома и Минпромнауки РФ, членом Ученого совета международного Института Лауэ – Ланжевена, членом редколлегии «Журнала технической физики» и «Писем в ЖТФ», входил в состав ряда других советов, был руководителем проекта «Создание научно-исследовательского комплекса на базе реактора ПИК» Государственной научно-технической программы «Фундаментальная ядерная физика».

В самые трудные для российской науки годы усилия В. А. Назаренко сыграли решающую роль в сохранении творческого потенциала Института, его научно-технической и инженерной инфраструктуры, лидирующих позиций в мире по многим направлениям фундаментальных и прикладных исследований, перспектив развития. Во многом благодаря В. А. Назаренко был придан новый импульс строительству высокопоточного исследовательского реактора ПИК – одного из научных мегапроектов России.

19 сентября 2002 года Владимиру Андреевичу Назаренко было присвоено звание «Почетный гражданин города Гатчины».

В его честь 12 июля 2018 года была открыта мемориальная доска на доме, где он жил с 1976 по 2006 год (ул. Гагарина, д. 17).

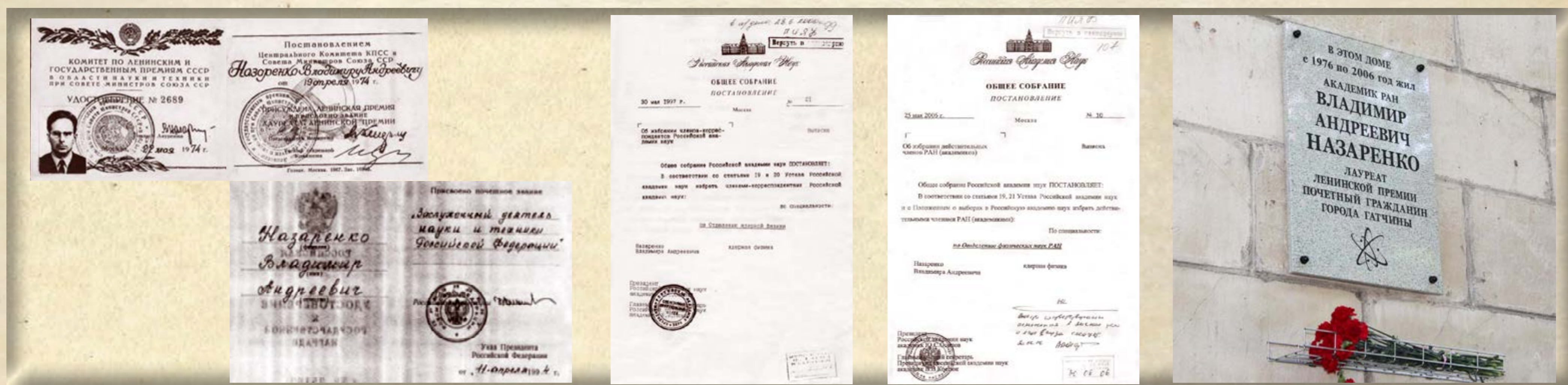
Владимир Андреевич Назаренко – талантливый физик-экспериментатор, доктор физико-математических наук (1984), заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации (1994), член-корреспондент РАН (1997), академик РАН (2006), директор Института (1994–2006). Лауреат Ленинской премии (1974), награжден орденом Почета (1999). Почетный гражданин города Гатчины (2002).

Владимир Андреевич родился 7 июля 1934 года в селе Мухтуя Ленского района (Якутия). В 1958 году с отличием окончил физико-механический факультет Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина по специальности «технология разделения и применения изотопов» и был зачислен на должность старшего лаборанта в филиал ФТИ в Гатчине.

С 1976 года В. А. Назаренко – заместитель директора Института по науке. В 1992 году он вступает в должность директора Отделения нейтронных исследований и назначается руководителем работ по созданию высокопоточного исследовательского реактора ПИК и разработке программы исследований на нем. В 1994 году коллектив научных сотрудников Петербургского института ядерной физики избрал Владимира Андреевича Назаренко директором.

В. А. Назаренко и А. А. Ансельм

«Мы были первыми!»

Такое название можно дать поколению физиков, пришедших на работу в филиал Физико-технического института им. А. Ф. Иоффе до или вскоре после пуска (29 декабря 1959 г.) нейтронного реактора ВВР-М в Гатчине. Это поколение, начав с нуля, создало необходимую аппаратуру и установки для работы на нейтронных пучках и уже в первое десятилетие заявило о своем существовании научными достижениями мирового уровня. Конечно, эти достижения были подготовлены в вузах страны, выпустивших квалифицированных специалистов в области ядерных исследований.

Конец 1957 года. Все сейсмические станции мира зафиксировали взрыв огромной силы в голой степи, примерно в 100 км от Ташкента. Первым об этом сообщило зарубежное радио с комментарием, что это похоже на землетрясение, неудавшийся запуск спутника или на ядерный взрыв, т. к. в окрестности наблюдается повышенная радиоактивность. Но это был не ядерный взрыв, это была дипломная работа студента физико-механического факультета ЛПИ им. М. И. Калинина Назаренко Владимира Андреевича. Целью его работы было имитировать наземный атомный взрыв и изучить распределение грунта вокруг эпицентра взрыва. Тысячетонная взрывчатка была «нашпигована» раствором радиоактивного (10 тыс. кюри) изотопа золота в смеси кислот под названием «царская водка». После взрыва по радиоактивности определялось распределение выброшенного грунта. Это был один из первых «мирных» взрывов с целью развития технологии строительных работ с перемещением больших масс грунта и горных пород, а также для понимания последствий «атомного взрыва».

Сейчас, по прошествии многих лет, можно сказать, что этот взрыв был как бы символом рождения нового ученого, талантливого организатора науки Владимира Андреевича Назаренко. И на этой взрывной волне он пронесся через всю свою жизнь, закончив ее последним «взрывом» – своего сердца.

Со «взрослым» периодом его жизни знакомы все, знающие его. Уже в 1966 году – кандидатская диссертация по актуальнейшей проблеме, связанной с бета-распадом, 1974 год – Ленинская премия в соавторстве с В. М. Лобашевым, Ю. Г. Абовым и П. А. Крупчицким за работы по обнаружению и исследованию эффектов несохранения четности в ядерных электромагнитных переходах, 1984 год – докторская диссертация «Исследование несохранения четности в (n -гамма)-реакциях», 1966–1976 гг. – ученый секретарь института, 1976–1987 гг. – первый зам. директора института по науке, 1987–1992 гг. – и. о. директора ПИЯФ, 1992 год – директор Отделения нейтронных исследований с основной ответственностью за создание реактора ПИК, 1994–2006 гг. – директор ПИЯФ.

А здесь мне хотелось бы вспомнить молодость Владимира Андреевича. Мы познакомились в 1952 году во время учебы на физмехе. Среди студентов он сразу выделялся своей собранностью, логическими доводами по всем вопросам и был необыкновенно общительным. Довольно быстро он стал комсомольским вожаком, и не формальным блюстителем Устава, а настоящим товарищем для всех. Это касалось и учебного процесса, и быта, и ежегодных сентябрьских работ на колхозных полях. Все это он сочетал с отличной учебой – повышенные стипендии и неоднократные годовые Сталинские стипендии, отличная защита дипломного проекта про «большой взрыв» и т. д.

Сидят (слева направо): А. А. Ансельм, О. И. Сумбаев, Ю. С. Осипов (президент РАН) и В. А. Назаренко. Стоят (слева направо): Э. А. Тропп (главный ученый секретарь СПбНЦ РАН), К. А. Коноплев, В. Н. Фомичев, неизвестный (помощник Ю. С. Осипова), Н. К. Абросимов

Во время работы над дипломом нас поселили в деревне, в полутора часах езды на электричке до Москвы. Обычный сельский дом с печным отоплением и со всеми удобствами... во дворе. И это все нужно было совмещать с творческой работой над дипломом. Володя сказал: «Все, ребята, баста, идем к министру просвещения». Не поверили, но пошли. Пришли, нас пропустили в министерство, а Володю – к помощнику министра. Разговор их был недолгий, и на следующий день нас переселили в студенческое общежитие, сначала временно в Долгопрудном, а потом окончательно в МЭИ. Мы уверовали в способность Володи убедить высоких чиновников, и это нас поразило – студент и трепетное для нас слово «министерство».

После окончания института большая группа физмеха была принята на работу в Физтех. Володя как-то выяснил, что нам положены подъемные, которые Физтех никогда никому не платил. Длительная тяжба с бухгалтерией и со всеми юридическими препонами кончилась нашей победой. Я говорю «нашей», т. к. к тому времени мы уже не разделяли «я» и «мы», а на самом деле – Володиной победой. Мы всё получили, и теперешние выпускники не подозревают, что своими подъемными они обязаны студенту В. А. Назаренко.

В филиале ФТИ в Гатчине нам сразу предоставили жилплощадь. Я (по сговору, конечно) оказался в двухкомнатной квартире вместе с Володей Назаренко, Володей Фомичевым и Женей Забидаровым, которых, к прискорбию, уже нет с нами. В такой общине обязательно появляется лидер, и им, конечно, был Володя. У нас в быту установилась полная демократия, и мы были открыты для всех друзей и знакомых. Они чувствовали себя у нас как дома и засиживались до полуночи в беседах, спорах, планах.

В газетах часто писали про Тайвань и Китай, и Володя как-то в шутку предложил объявить нашу территорию (квартиру) Свободной Республикой Тайвань. Эта шутка понравилась окружающим и закрепилась за нами как «тайванцами». (Стук в дверь: «Товарищу Тай-ван-цаму телеграмма».) Даже в Крыму на большом камне одной возвышенности мы оставили крупную надпись «Тайвань», видимую с моря. Мы жили дружно. Вечерами обсуждали эксперименты, возникающие трудности у каждого и пробовали их разрешить, помогая друг другу. Володя работал с (или у) таким же молодым выпускником университета Владимиром Михайловичем Лобашевым. «Умный и сообразительный, зараза, – это Володя про Лобашева, будущего академика РАН, – быстро всегда находит правильный путь в эксперименте, мне бы так». И мы понимали, что и Володя Назаренко такой же, и что этот тандем вскоре покажет мировые результаты. И они показали, за что и получили Ленинскую премию.

На нашем дружном «Тайване» случались, конечно, и напряженные ситуации, и Володя всегда проявлял свои дипломатические способности. Так, с нами вместе жили ежик, который по ночам шелестел бумагами, стаскивая их в свое гнездо, черепашка, которая ночами скрипела, отодвигая телом книжный шкаф от стенки, и желтопузик, почти метровая безногая ящерица-змея, которая любила по ночам залезать к кому-нибудь под одеяло погреться. Однажды Женя Забидаров выбросил ее на улицу далеко от дома. Я обиделся, т. к. хоть она и общая, но это я ее купил в Москве и привез на «Тайвань», и за нее как бы в ответе. Володя тут же понял ситуацию и сказал: «Конечно, ты, Жека, сделал правильно, т. к. эта живность уже надоела, но нельзя же так жестоко, надо было посоветоваться хотя бы с Лехой».

Володя никогда не кичился своими мировыми достижениями и успехами в науке. Так, об упомянутом выше «большом взрыве» он не любил подробно и с восторгом рассказывать: «Ну, взорвали, долго готовились, провели десяток маленьких тестовых взрывов, опасался, что не получится дипломная работа, еле успели закончить укладку и спешно удрать на газике подальше от эпицентра, т. к. военные уже включили метроном, и через минуту бабахнуло». В таком же духе он отзывался и о Ленинской премии, и уже за два месяца до смерти он в таком же духе рассказывал о его избрании академиком РАН: «Так получилось (читай: "я не виноват"), что из десяти претендентов в академики я получил большинство голосов, вот и все».

А за этим «вот и все» стоят годы и годы изнурительной научной и организационной работы. Он не просто «стал директором» института. Ему не нужно было «принимать дела» от предыдущего директора. Он был уже «хозяином» института на многолетнем посту заместителя трех директоров, знал об институте все и заботился о нем, был в близком контакте с людьми из Академии наук и других ведомств и институтов. Он был членом десяти научных советов – российских и зарубежного. Это помогло институту выжить в трудное время и не потерять мирового научного признания. При этом он всегда был простым, доброжелательным, приятным во всех отношениях Человеком – Владимиром Андреевичем, Володей. Таким он навсегда сохранится в нашей памяти.

В. А. Назаренко, А. И. Окорокров, А. П. Серебров

А. А. Воробьев и В. А. Назаренко

Он всегда и во всем был лидером

Я познакомился с Владимиром Андреевичем Назаренко (точнее, поначалу увидел и изредка наблюдал его) в конце 1955 года, вскоре после поступления в Политехнический институт, на 1-й курс физмеха. Собственно, тогда он был Володей Назаренко. Его отчество я узнал гораздо позднее – когда лаборатория С. Е. Бреслера, в которой я уже работал, была переведена из ИВС в ЛИЯФ. В 1955–1956 гг. Володя учился уже на 4-м курсе, и на физмехе знали его все (и он знал, по-моему, всех): он был тогда секретарем факультетского бюро ВЛКСМ. До чего же интересной была тогда комсомольская жизнь на физмехе (особенно после школы)! Были интереснейшие собрания-диспуты, был знаменитый факультетский фестиваль вечер-бал (за который партком и институтский комитет так и не дали нам первого места). Была комсомольская стройка (летом 1956 года, 50 лет назад!) – строительство узкоколейки в Псковской области. Эту стройку на всю жизнь запомнили все, кто в ней участвовал. На физмехе было тогда много ярких и активных людей: Сергей Бобашев, Коля Менде, Юра Гнедин, Алик Римский-Корсаков, Миша Никольский, Гера Порсев, Женя Дамаскинский и еще многие («комсомольские боссы», как тогда полушутя говорили). Но явным и очевидным лидером был Володя.

Он всегда и во всем был лидером. Лидеры и лидерства бывают разные. Бывают лидеры ради самоутверждения, ради удовлетворения собственных амбиций. Бывают лидеры, имеющие личный интерес в деле, который они организуют (таких сейчас, по-моему, становится все больше и больше, а интерес – корыстнее и корыстнее). Все это ни в коей мере не относилось к Володе. Не относилось это к нему и во всей его дальнейшей жизни. Он был лидером для того и в том, что он считал важным и нужным сделать. Поэтому так многое удалось ему сделать в этой жизни. И степени, звания, награды его – это естественная фиксация каждого уровня, которого он достигал. Самое удивительное (это достаточно редко встречается) – это то, что, достигнув постов, наград и прочего, Владимир Андреевич совершенно не изменился в стиле своего общения с людьми. Всегда предельно собранный и четкий, он знал толк и в остроумной шутке, и в ядовитой выволочке, но ему не были свойственны ни дешевое панибратство, ни начальственное высокомерие (даже хотя бы оттенок созданной его положением дистанции). Да что я говорю – все это знают те, кто дольше ли, короче ли был в контакте с Володей.

И еще: у меня такое впечатление, что он успевал все. Так, в институте он и учился хорошо. Не помню, был ли он именованным стипендиатом, но, по-моему, был. Во всяком случае, для него были неприемлемы поправки за его активную общественную деятельность. Когда же его попытались убедить сделать выбор в пользу профессиональной общественной работы (речь шла о poste освобожденного секретаря институтского комитета ВЛКСМ, что для многих было бы заманчиво), Володя сделал выбор в пользу науки, делая диплом в гатчинском филиале ФТИ. Но уже здесь, в филиале (затем ЛИЯФ и ПИЯФ), он отдал всю жизнь и науке, и организаторской деятельности. И это тоже знают лучше меня столь многие люди.

Я не могу, вместе с очень и очень многими, не поблагодарить судьбу за две вещи: за выпавший дар знакомства с Владимиром Андреевичем, общения с ним и работы под его попечением, а еще и за то, что два года назад, когда был его юбилей, мы успели и сумели самому Володе сказать, как мы его уважаем, ценим и любим.

А. Л. Тимковский

Торжественный Ученый совет

Ему нет замены

Звонок из Гатчины от Саши Пирожкова был как удар по голове: сегодня утром скоростно скончался Володя Назаренко, друг и товарищ в течение 48 лет. Внезапность была ошеломляющей, не укладывающейся в сознании. Всего лишь три дня до этого сидели у него в кабинете, пили кофе и в который раз обсуждали ситуацию в науке и в жизни.

Я знал давно, что он работал на пределе здоровья, поскольку слишком эмоционально реагировал на любое событие на фоне целого букета очень серьезных заболеваний, которые он перенес в молодости. Возможно, будь он не таким реактивным, последний приступ аритмии был бы погашен в очередной раз, но на этот раз врачи не успели, и сердце остановилось мгновенно и непоправимо.

Более 25 лет мы сотрудничали очень тесно, и масса эпизодов потерялась в текучке жизни. Последние 15 лет он несколько отдался – административные заботы отнимали все больше времени, но чувство локтя оставалось неизменным.

В. А. Назаренко, В. М. Лобашев

В памяти до сих пор сидит момент его появления в лаборатории № 10 Физтеха. Это был 1958 год. Однажды я иду по коридору и слышу, как меня кто-то догоняет и окликает. Оборачиваюсь и вижу парня примерно одного роста со мной, с огромной шевелюрой (стоячей) и румянцем во всю щеку. Он говорит, что назначен в мою группу исследования слабых взаимодействий, состоящую тогда еще из двух человек. Володя органично вошел в нашу работу и быстро освоился в ней. При этом никаких трений не было, хотя по времени выпуска мы были практически одногодки, но он сразу нашел свою нишу в группе. Далее была работа, все время требовавшая больших усилий и при постоянном дефиците времени, хотя темы мы задавали сами и всегда на грани реальности. После первых успехов возникли крупные проблемы: Володя заболел менингитом и через год – менингоэнцефалитом. Причины установить не удалось, но подозрение на несколько лихое обращение с радиоактивностью осталось. На счастье, Володя был фантастически здоровым человеком и перенес эти заболевания почти без видимых (посторонним глазом) последствий, хотя, кто знает, может, внезапная сегодняшняя смерть ждала его почти 40 лет. Мы помогали ему как могли, и возвращение к работе прошло для него более или менее безболезненно.

Значительную долю своей жизни Володя посвятил общественной работе и затем административной. Здесь играли большую роль его честность, умение контактировать с людьми разного ранга. К тому же у него были развиты такие особенности характера, как исключительная аккуратность и ответственность. Эти черты позволили ему пройти и познакомиться со всеми ступенями управления институтом еще до того, как он стал директором ПИЯФ.

Ему удалось сохранить дух Физтеха и поддерживать его в течение наиболее трудных 90-х и 2000-х годов. Воспитанный в духе, можно сказать, научной демократии, он сумел удержать равновесие между отделами института и избежать неизбежных свар, которые могут разрушить то хорошее, что удалось сохранить от прежних лет. К сожалению, ему нет замены, и мы еще долго будем переживать его отсутствие.

Вечная ему память!

В. М. Лобашев, академик РАН